

Описания, которые мы приводим здесь, отличаются от описаний, которые содержатся в документах русских офицеров. В своих докладах они подчеркивали любопытство и гостеприимство японцев. Японцы же были сдержаны в своих отзывах о русских. Они сообщали, что были удивлены пришельцам, стремились сокращать время общения с ними, и обо всех встречах незамедлительно докладывали властям. Так проявлялась в XVIII в. политика изоляции Японии.

1. «Martin Spangsborg a Danish explorer in Russian service» Authors Tatjana Fjodorova, Birgit Leick Lampe, Sigurd Rambusch, Tage Sorensen Fiskery -og Sofartsmuseet, Esbjerg. 2002.

2. «Martin Spangsborg en Dansk opdagelsesrejsender I Russisk tjeneste». Rosendhals Forlag, 1999.

А. И. Кириллова

НОВЫЕ ПОДХОДЫ РОССИЙСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНОВ-БЫСТРИНЦЕВ)

Начавшаяся еще в 2003 г. дискуссия о новых направлениях этнографических исследований продолжается до сих пор. Представители так называемой классической этнографии настаивают на том, что целью исследований этносов на современном этапе их развития является выделение специфических и уникальных черт духовной и материальной культуры, описание и сохранение их в неприкосновенности. Как отмечает В. А. Тишков, такой подход не объясняет многих событий, происходящих сегодня с этносами. Эти события и явления попросту не вписываются в существующие схемы, выработанные в работах С. Е. Рыбакова, Ю. В. Бромлея, основанных на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. По их мнению, «человеческие стратегии освоения новых возможностей в условиях рыночных реформ рассматриваются как извлечение из культурного арсенала архаических механизмов кризисного выживания» (1).

В то время как последователи новой этнографической и этнологической парадигмы видят в приспособлении этносов к рыночной экономике диалог культур и дальнейший процесс этногенеза. Для традиционалистов утрата этносами специфических черт и ассимиляция в иной культуре сродни катастрофе, в то время как для представителей новой этнологии (ее В. А. Тишков отождествляет с социальной антропологией) – это «завтрашняя традиция», т. е. «сегодняшние социально-культурные инновации» (2).

Так же последователи новой школы в корне меняют концепцию этнографического поля: помимо изучения главным образом «народной» или «традиционно-бытовой» культуры, они предлагают вовлечь в орбиту исследования все объекты, расположенные на данной территории (например, дачные поселки, воинские части, бизнес-сообщества и т. п.), выявить их роль и место в жизни и сознании изучаемого этноса (3). Данному вопросу намеревались посвятить секцию на V конгрессе этнографов и антропологов России в Омске в 2003 г., но она не состоялась (не набралось необходимого количества докладов на данную тему).

В целом, современная этнография и этнология переживают эпоху смены парадигм, подходов к изучению этносов и совершенствования методов. Для Камчатки – уникального края для этнолога и антрополога, является актуальным развитие данных наук силами местных ученых в рамках исследования местных этносов.

В свете новой парадигмы в исследовании автора произошел ряд изменений. Прежде всего, это коснулось границ этнографического поля – произошло их расширение. Если раньше оно было ограничено территорией Быстринского района (Эссо и Анавгай – национальные эвенские села), то теперь вовлечена и территория г. Петропавловска-Камчатского, где учатся и проживают эвены. На примере данной группы представителей этноса можно изучить механизмы приспособления к выживанию в условиях иной культуры, формирования многослойной личности. Также изменения коснулись и подхода к эпохе советских культурных преобразований: от восприятия ее как периода «грубого разрушения традиционной культуры» к осознанию ее как времени «диалога культур», в котором советская культура оказала большее влияние.

Кроме того, в рамках концепции диалога культур и мультикультурализма сегодня актуальным является изучение как сохранившихся элементов традиционной духовной и материальной культуры, так и исследование элементов, воспринятых от других культур. Современные этнологи и этнографы особое внимание уделяют тому, что было воспринято этносами в советские годы, изменениям, произошедшим в их быту, культурной жизни, в сфере духовности и в их мировоззрении, в восприятии ими окружающей действительности, в их картине мира, способе познания и т. п.

На основе полевых исследований автором отмечено, что в быту эвенов-быстринцев произошли коренные изменения: они проживают в жилищах русского типа (благоустроенные дома), оформление жилых помещений также содержит минимум элементов этнической специфики. В жизнь быстринцев прочно вошли современные технологии (телефоны, телевидение, Интернет, мобильная связь и т. п.). Население поселков одевается по так называемому европейскому образцу еще с 1940-х гг., традиционная одежда используется в театрализованных обрядах и представлениях.

Родным языком молодого поколения является русский – его используют в официальных учреждениях, в социальных институтах (школы, детские сады) и в быту. Эвенский преподается в школе 2 часа в неделю с 1-го по 9-й класс. Не менее кардинальные изменения произошли в мировоззрении эвенов (сейчас у молодого поколения четко сформирована научная картина мира – благодаря системе школьного образования). Что касается религиозных воззрений, то изменения, произошедшие в данной сфере жизни этноса, неоднозначны: еще до советской эпохи для эвенов был характерен двуверный синкретизм (сочетание языческих элементов и христианства), который сменился «научным атеизмом». На современном этапе активно возрождаются христианские традиции (так, в с. Эссо отстроена церковь и функционирует приход), некоторые традиционные обряды (молодежь приучают совершать «улекич», на праздниках проводится обряд очищения и т. п.) и внедряются новые религиозные течения (сайентология, адвентизм и др.). Быстринцы, переезжающие в Петропавловск, достаточно часто принимают христианство. Вопрос о трансформациях, произошедших в религиозных воззрениях эвенов, остается открытым на сегодня и является перспективным для дальнейших этнографических и этнологических исследований.

В свете теории мультикультурализма антропологи и этнологи изучают многослойность личности эвенов-быстринцев. Все они являются двухслойными личностями: испытывают на себе влияние двух культур – традиционной эвенской и российской, а представители смешанных эвено-корякских семей – трехслойными, так как, помимо вышеуказанных культур, попадают под влияние корякской. Кроме эвено-корякских семей в Быстринском районе проживают эвено-татарские, эвено-украинские и другие смешанные семьи.

По вышеизложенным причинам автор видит важной частью исследования, помимо выделения специфических черт духовной и материальной культуры эвенов-быстринцев и сохранившихся элементов их культуры, изучение влияния, оказанного советским периодом на данную сферу жизни этноса, а также трансформаций, происходящих на современном этапе его развития. Этнографические и этнологические исследования необходимо проводить, руководствуясь современными методами и учитывая новую парадигму антропологических наук.

1. Тишков В. А. Реквием по этносу / В. А. Тишков. М.: Наука, 2003. С. 8.
2. Там же. С. 30.
3. Там же. С. 35.

Н. С. Киселёва СТРАНИЦЫ ИЗ РОДОСЛОВНОЙ МАКСУТОВЫХ

В 2007 г. на грант Российского гуманитарного научного фонда 070193220а/К была проведена исследовательская работа в ГАПО.

Архив Пензенской области представлял интерес с точки зрения продолжения исследования родословной Максutowых – Дмитрия и Александра, героев Петропавловской обороны 1854 г.

Из переписки с потомками Максutowых стало известно, что в Пензенской области находилось имение Максutowых, которое, к сожалению, не сохранилось.

Основателем рода являлся касимовский татарин Максют, у которого родился сын Айдар Максutow, живший во второй половине XVI – начале XVII в. Во ввозной грамоте 1620 г. его сын Араслан-мурза назван князем. Их потомки во всех официальных актах и документах именовались князьями и Определениями Правительствующего Сената от 23 января 1834 г., 27 сентября 1855 г., 27 марта 1856 г., 14 ноября 1861 г. (Максutowы) и от 17 мая 1838 г., 14 октября 1854 г. (Максutowы) были утверждены в достоинствах татарских (1, с. 179–181).

У Араслана рождается два сына, один из них – Мустай. От Мустая пошло две ветви рода: Бекмурза и Сулейман. Участники Петропавловской обороны 1854 г. Александр и Дмитрий Петровичи Максutowы, предположительно, ведут своё родство по линии Сулеймана в шестом поколении.